
С. В. ПРОЖОГИНА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА РЕАЛЬНОСТЬ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТИ

Изучение постколониальности – не как философского конструкта или части особого терминологического каркаса, цивилизационного дискурса и прочего, но как реальной функции (или продукта) колониализма во всех формах его существования – необходимо для понимания современного мироустройства, в том числе и тех стран, где колониальное вторжение было точечным и недолгим, но сегодняшнее участие которых в мировом процессе чрезвычайно значимо для понимания современного развития других стран.

Ключевые слова: постколониализм, колониализм, современность, мультикультурность, Франция, Магриб, литература «бёров».

Факты – упрямая вещь¹

Постколониализм и современность – понятия взаимосвязанные и взаимообусловленные историей колониализма как явления, порожденного определенной эпохой и связанного с определенными военно-политическими, социальными, конфессиональными и весьма характерными культурными доктринами, специфическими и для португальского, и для испанского, и для французского, и для английского колониализма во всех формах его проявления. Сегодняшние глобалисты рассматривают эти последствия как явления, продиктованные только последним столетием. Возможно, у историков, современных политиков и исследователей цивилизационных проблем точки зрения на постколониальность могут быть особыми. Но мне как наблюдателю и человеку, долгое время прожившему и на Востоке, и на Западе, кажется, что реальные последствия колониализма активно проявляются во всех сферах сегодняшнего существования стран Азии, Африки и, конечно, Европы.

---

¹ С английского: Facts are stubborn. Из английского перевода книги французского писателя Алена Рене Лесажа «История Жиль Блаза» (1734). Так переводчик этого романа Тобиас Джордж Смоллет (1721–1771) перевел известное выражение романа *Les faits parlent!* – Факты говорят сами за себя (Серов 2005).

Будучи не философом, а всего лишь литературоведом, с давних пор и постоянным очевидцем разного рода событий постколониальной истории Северной Африки и бывшей метрополии – Франции, могу засвидетельствовать лишь то, что эпоха колониализма оставила свои неизгладимые следы и в современной (текущей) истории этих стран. Поэтому считаю, что опыт «дисциплинарного», пусть даже и узкого, исследования и опыт причастности к современным событиям будет бесполезен для общих выводов по вопросу о постколониальности как таковой.

На мой взгляд, постколониальность – не как философский конструкт или часть особого терминологического каркаса, цивилизационного дискурса и прочего, но как реальная функция (или продукт) колониализма во всех его формах существования – необходима для пристального изучения и понимания современного мироустройства, в том числе и тех стран, где колониальное вторжение было точечным и недолгим (хотя и очень значительным по своим последствиям – я имею в виду Китай), но сегодняшнее участие которых в мировом процессе чрезвычайно значимо для понимания современного развития других стран.

В Северной Африке колониализм во всех формах его существования (к примеру, разновидностей *présence française* в странах Магриба или Центральной и Западной Африки) необходимо изучать глубоко и тщательно также для определения или расширения понятия постколониальности как явления, не детерминированного лишь завоеванием независимости, добытой в национальных освободительных движениях и войнах, но длящегося и во времени, и, увы, во все расширяющемся пространстве, где наблюдаются и тенденции неоколониализма уже не экономического, но связанного с амбициями доминирования «крайнего Запада» в странах, никогда ранее ему не принадлежавших. Не говоря уже о до сих пор свершающемся разными народами Ближнего и Среднего Востока решительном ему противостоянии (гражданская война в Алжире, последствия «жасминовой революции» в Тунисе и в других арабских странах, сегодняшний Афганистан). Постколониальность – это и нескончаемый миграционный поток из Африки и стран Ближнего и Среднего Востока на Запад как результат не только глобализации².

---

² К эмиграции, беженству, к слову сказать, ведут порой не только нужда, безработица, экономическая разруха и разные политические потрясения в странах,

Постколониальность в конкретике фактов, этапов развития и эволюция национального самосознания, к примеру в странах Магриба (от эпохи Сопrotивления колониализму 40–50–60-х гг. вплоть до гражданской войны 90-х – начала 2000-х гг. и бунтов в процессе так называемых цветных революций начиная с 2011 г. и вплоть до наших дней), зафиксированы в основных и постоянно эволюционирующих «текстах эпохи», коими являются, очевидно, особые формы и почти документальных свидетельствований, и особых способов выражения общественного сознания, отраженных именно в художественной литературе (как «в зеркале, стоящем на дороге жизни» – Стендаль). Я имею в виду не массовую литературу или субъективную мемуаристику политических лидеров, или случайные, так называемые «травелоги», а наилучшие образцы именно художественного творчества писателей, типизирующих явления окружающей реальности.

Парадокс этого явления заключается в том, что оно само есть наследие колониализма, а точнее, его политики «аккультурации автохтонов». Признаки и даже уже свойства его бикультурности, а для многих и поликультурности, к примеру, писателей-берберов, французский язык и приобщение к западной, в частности французской, культуре было, по меткому выражению алжирца Катеба Ясина, «оружием, выхваченным из рук врага». А идеи европейского Гуманизма и Просвещения, почерпнутые в европейских школах колонистов и в недрах их библиотек даже в отдаленных поселках, стали способом и критического, а иногда и резко социально-политического анализа окружающей действительности в целом и национальным ответом в условиях тогда еще колониального общества на оценку событий, которые давала французская колониальная литература. Происходившее в истории и происходящее в недрах нацио-

---

добившихся независимости. Есть и случаи (и их немало), особо зафиксированные в искусстве, когда люди выезжают из родных стран, к примеру из Магриба, на свою историческую родину, на юг Европы – Испанию, Францию, Италию, Сицилию. Приведу только один пример из моего недавнего разговора с марокканцем, жителем Феса, на вокзале в Мадриде в ожидании поезда, отправлявшегося в Севилью. Спросив несчастного человека, прилегшего отдохнуть прямо на пол с молитвенным ковриком на груди после свершения намаза, зачем он, озябший от холода, укрывшийся на вокзале, приехал из своей «солнечной и теплой страны» сюда, где сплошь – чужие люди, я получила ответ: «Я вернулся наконец на родину предков. Буду жить и работать в Андалусии. Аллах мне поможет». Самое время вспомнить историю цивилизации, длившейся восемь столетий на юге Европы...

нальной реальности после достижения Независимости, исполнившейся новыми и социальными³, и политическими, и конфессиональными, и этническими, и экономическими (вплоть до разрухи) противоречиями, в произведениях писателей получило не только отражение, но и возможность прогнозирования дальнейших событий.

Но политика аккультурации колонизованных превратилась в бумеранг, ударивший по самим бывшим колонизаторам, испытывающим и поныне и явно, и подспудно некий комплекс вины перед бывшими колонизованными. Неоколониализм в его экономической составляющей сразу же после завоевания независимости в странах Магриба окончился неудачами, хотя само по себе явление можно считать и проявлением некой компенсации этого комплекса вины. Кстати, на примере сегодняшнего Мали осуществляются и новые формы французского неоколониального присутствия уже в его военной составляющей. Однако можно разделить и ту точку зрения, что бывшие колонизованные народы тоже наделены неким «комплексом угнетенных» (по выражению тунисского философа Альбера Мемми) и будут **вечно мстить** тем, кто когда-то завоевал их земли и разрушил их собственную цивилизацию. Подтверждение этой философии существует и в трудах социопсихологов (см., например, творчество Т. Бенджеллуна), да и в реальности бесконечно, начиная с 2001 г. совершающихся терактов на Западе. Ну а беспрерывно длящийся поток так называемых «нелегальных» беженцев, всеми правдами и неправдами пытающихся попасть на Запад, обосноваться там, – это тоже своего рода некий «акт мщения» за когда-то обещанные им идеалы Свободы, Равенства и Братства.

При этом уточним, что эмиграция во Францию как таковая из Африки в целом, а из Магриба особенно в начале 1900-х гг., стартовала еще в разгар эпохи колониализма, ибо Франция сама остро нуждалась в рабочей силе, особенно после Первой, да и Второй мировой войны. Об условиях существования этих эмигрантов для

---

³ Любопытно отметить, что в эпоху колониализма многие особенности социальной жизни и быта колонизованных, часто считающиеся ныне в независимых странах «дремучими пережитками прошлого» или «оковами догм старых традиций», поддерживались и использовались колониальной администрацией в своих особых целях, несмотря на проводившуюся метрополией основную линию аккультурации автохтонов в целях приобщения к ценностям именно западной цивилизации.

тех, кто не знаком с реальностью жизни сегодняшних «эмигрантских кварталов» на территории практически уже всей Европы или иммигрантской среды давно осевших североафриканцев во Франции, написано немало книг и свидетельств и магрибинцев, и французов. И порой не приходится удивляться после всего зафиксированного или увиденного даже, увы, крайним формам ответных реакций этих слоев населения сегодняшней Европы. Приходится признать очевидность уже существующих в недрах Французской Республики, да и других государственных устройств Европы, и практически давно сложившихся полиэтнических и поликонфессиональных обществ именно как продукта эпохи и колониализма, и постколониальной реальности, а не следствий неких суммарных принципов глобализации и уж, конечно, не политики мультикультурализма, закончившейся крахом⁴, по свидетельству даже председателя Европарламента.

Наблюдения за актуальной реальностью, как и знакомство с многочисленными источниками, подтверждающими мысль о том, что постколониальность по всех своих формах проявления – как во внутренней жизни стран Африки, так и их внешней политике, как и в попытках, к примеру, Французской Республики или Германии проведения «политики интеграции эмигрантов», как и попыток реализации философии толерантности и утверждения гуманистических принципов западной цивилизации как таковой выражается в настоящее время в откровенных формах смятения и на Западе, и на Востоке по причине все усиливающейся поступи радикализации ислама и крайних методов свершения политического исламизма. Последнее держит весь миропорядок в постоянном напряжении, в разного рода угрозах и санкциях, что само по себе способствует разрушению фундамента самой человеческой цивилизации, где за-

---

⁴ Постколониальность одним из своих свойств имеет сегодня и такую форму существования, как национальная культура в транснациональном пространстве, влияющая на культуру и самого Запада. Французская литература, к примеру, начиная с 70-х гг. немыслима без присутствия в ней множества имен не только североафриканцев, но и вьетнамцев, а с недавних пор и африканцев, иракцев и даже китайцев. Это касается и англоязычного мира, где немало имен индийцев, и пакистанцев, и разных африканцев, эмигрировавших из своих стран, бывших колоний Англии. Это явление не имеет отношения к мультикультурализму. Присутствуя в недрах другой культуры и цивилизации, литературное франкоязычие, англоязычие (и даже португалоязычие) сохраняют, как это ни покажется странным, откровенные признаки национальной специфической принадлежности, проявляющейся именно в проблемно-тематической сфере литературы.

ложен, конечно, не только диктат борьбы за выживание, но и возможность сосуществования «своего» и «чужого» в признании человеческих «различий» (*différences*), а не разного рода «различений» (*différences*) для обеспечения порядка на дороге прогресса, а не в хаосе разрушения достижений человеческого разума⁵.

Считаю необходимым отметить также, что постколониальность как таковая отразилась и на самой западной модели гуманитарного знания, в частности, на его искусстве и литературе и на других сферах человеческой деятельности. К примеру, сегодняшняя литература Франции просто не существовала бы как таковая без многочисленных арабских писателей, присутствующих в ней вот уже полвека, получающих во Франции, да и в других европейских государствах, престижные литературные премии и даже ставших действительными членами Французской академии изящной словесности и даже получивших премию «За озарение французского языка». Примеров множество, не говоря уже о том, что один из зачинателей новой литературы Алжира – Катеб Ясин – считается основоположником «нового романа» как особого жанра мировой словесности, характерного для эпохи 60–70-х гг.

Реальным показателем могут стать и публикации произведений этнических магрибинцев крупнейшими французскими издательствами, и дальнейшие их переводы с французского как языка-посредника на другие языки мира (арабский, японский и русский в том числе). Именно присутствие этих имен, получивших особое признание во Франции и названных литературой «бёров» (на верлане – арабы), обеспечивает огромную читательскую аудиторию на Западе, ибо дает особую точку зрения «изнутри» на реальность существования эмигрантов и иммигрантов во Франции. Эти произведения читают и многочисленная арабо-берберская диаспора, живущая во Франции издавна, и сами французы, порой узнающие именно в книгах магрибинцев всю правду об окружающей реальности не только своей, но и магрибинской. А присутствие в списке

---

⁵ Документально аргументированные комментарии вышеизложенных наблюдений и обширную библиографию по отмеченным проблемам см. подробно в моих монографиях (Прожогина 1998; 2001; 2003; 2008; 2011; 2012; 2015; 2021) и в других работах, а также в главах коллективных монографий ИВ РАН, ИМЛИ, Института Африки и Института всеобщей истории, многочисленных переводах фрагментов книг магрибинских философов, социопсихологов и публицистов (см. подробно, к примеру, книги: Memmi 1957; 2004; 2008; Meddeb 2004; 2008; Boudjedra 1997; Djebbar 1995; Ben Jelloun 1976; Riouffol 2007; Wieworka 2008).

арабских имен, входящих уже в корпус текущей западной словесности, других арабских имен – египтян и даже иракцев и ливанцев, также показательны. Ибо в книгах писателей из иммигрантских слоев – особое знание не только своих этноконфессиональных проблем в парадигме западного существования, но и той страны, земля которой стала для многих из них родной – я имею в виду второе и третье поколение иммигрантов, так называемых уже упомянутых нами «бёров», родившихся и живущих во Франции по республиканскому «праву почвы». История этой литературной географии – долгая и сложная, однако поучительная и для оценки итогов колонизации, и для того периода глобализации, который переживают многие страны, в том числе и Россия, уже давно обретающая опыт и проводящая попытку интеграции разных культур и конфессий.

Однако опыт такого рода интеграции Востока на Западе (примеры можно расширить за счет не только «французских арабов», но и давно уже присутствующих во Франции выходцев из Вьетнама, Китая, а сегодня также из Афганистана и стран Ближнего Востока, Тропической Африки и т. д. и т. п.) осложнен зачастую и проблемами самоидентификационными (касающимися не только мигрантов, но и самих французов), в том числе и такими, как утрата горизонтов осознания своей «равнопринадлежности к двум мирам», «ломкой идентичности» и даже наличием ощущения «убийственности» обретенной на Западе возможности существования в пространстве его культуры, а у многих французов утратой своей, к примеру алжирской, принадлежности к стране, когда-то завоеванной их предками (см. многочисленные работы социопсихологов, писателей и философов, таких как Азуз Бегаг, Амин Маалуф, Альбер Мемми, Тахар Бенджеллун, Рашид Буджедра, Ассия Джеббар, Джура, Мунси и многие другие. Подробную библиографию можно посмотреть в нашей работе [Прожогина 2012], посвященной анализу этих исследований как ярких образцов изучения личности, живущей в «пределах» и даже «надпределах» территории «чужого», порой оказывающегося и свойством своего собственного национального пространства).

Опыт интеграции мусульман во Франции или даже в Германии, конечно, ничего общего не имеет с так называемым «мигрирующим» как некой формой единичной «успешности» (как обретенного «комфортного существования») некоторых эмигрантов из стран Тропической Африки (на тему этой «единичной успешности», в целом не характерной для многочисленного населения, к приме-

ру, сегодняшней Европы, написано крупное исследование французского ученого Ф. Бернара, доказавшего, что это всего лишь «отдельные деревья» в огромной массе «леса проблем», которые испытывают практически все эмигранты на Западе [см.: Bernard 2006]).

На мой взгляд, можно сколь угодно в меру своей эрудированности рассуждать о постколониальности как некоем философском конструкте или суммированном итоге разного рода размышлений западных интеллектуалов и африканских «*évolués*», очерчивать новые парадигмы постколониальности и создавать параллелизмы, типологически не всегда сопоставляемые, поскольку они исторически разнообусловлены формами так называемых «колониальных захватов» (вплоть до порой приводимых примеров из российской истории), однако приходится и учитывать, и корректировать оценки разных моделей конкретикой реального изучения именно в дисциплинарных предметах, посвященных определенным проблемам нашей эпохи. Это, с моей точки зрения, необходимо. Не будем забывать, что итогом борьбы с европейской средневековой схоластикой явилось обращение гуманитарного знания как такового в Европе к древней мудрости, зафиксированной в пространстве современной Сорбонны афоризмом «Опыт учит» (*Experientia docet*) и воздвижением памятника М. Монтеню.

Литература

Прожогина, С. В.

1998. *«Для берегов Отчизны дальней...»*. М.: Вост. лит-ра.

2001. *От Сахары до Сены*. М.: Вост. лит-ра.

2003. *Восток на Западе*. М.: ИВ РАН.

2008. *Вошедшие в храм Свободы*. М.: Вост. лит-ра.

2011. *В поисках Настоящего Времени*. М.: ИВ РАН.

2012. *Новые идентичности*. М.: ИВ РАН.

2015. *Смятение (Отражение террора исламистов в художественной литературе Алжира XX–XXI вв.)*. М.: ИВ РАН.

2021. *Время не жить и время не умирать*. М.

Серов, В. В. 2005. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. М.: Локид-Пресс.

Ben Jelloun, T. 1976. *L'Hospitalité française*. Paris.

Bernard, F. 2006. *La crème des beurs*. Paris.

Boudjedra, R. 1997. *FIS de la haine*. Paris.

Djebar, A. 1995. *Le blanc de L'Algerie*. Paris.

Meddeb, A.

2004. *La maladie d'islam*. Paris.

2008. *L'exil occidental*. Paris.

Memmi, A.

1957. *Le portrait du colonise hrecede du portrait du colonisateur*. Paris.

2004. *Le portrait du decolonise*. Paris.

2008. *Le portrait du decolonise*. Paris.

Riouffol, I. 2007. *La fracture identitaire*. Paris.

Wievorka, M. 2008. *La diversité*. Paris.